

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА В. И. ЛЕВЕНШТЕРНА

Ценнейшую информацию о внутренней жизни армии Наполеона, об организации работы наполеоновского штаба, о самой личности французского императора дают записки русского офицера В. И. Левенштерна.

Левенштерн Владимир Иванович (Вольдемар Герман) (1777–1858) был русским офицером родом из остзейских немцев. Он поступил на службу в 1793 г., вышел в отставку по болезни в 1802 г. с чином ротмистра. Когда его жена в свою очередь тяжело заболела, чтобы пройти лечение у лучших врачей Левенштерн и его супруга совершили путешествие в Европу. В 1809 г. они оказались в Вене, где жена Левенштерна скончалась в результате перенесённой операции. В этот момент французская армия вступила в Вену. Пользуясь тем, что Россия и Франция находились в союзе, Левенштерн, чтобы отвлечься от тяжёлой утраты, попросился на службу в штаб французской армии волонтёром. Этот момент подробно описан автором в приведённом отрывке из его мемуаров.

В 1812 г. Левенштерн возобновил свою службу в Русской армии, поступив в звании майора в качестве адъютанта к Барклаю де Толли. Принял участие в кампаниях 1812, 1813 и 1814 г. В 1828 г. был произведён в генерал-майоры, вышел в отставку в 1838 г.

Левенштерн писал свои записки на французском языке. Их перевод был опубликован в журнале «Русская старина»: 1900 г. № 8–12, 1901 г. № 1–8, 1902 г. № 7. Записки на французском языке были опубликованы также в Париже в 1903 г.

Французская публикация мемуаров имеет большие лакуны. Что же касается русского перевода, он сделан с грубейшими ошибками. Так в переводе в журнале «Русская старина» можно прочитать следующую

фразу: «Несмотря на огромные повинности, коими была обложена Вена, в ней соблюдался строгий порядок. Бывали конечно злоупотребления, но они преследовались. **Я приказал расстрелять одного французского кригс-комиссара**, который позволил себе притеснять жителей».

Читатель может только изумиться, каким образом отставной русский офицер, волонтёр во французском штабе, мог, походя приказать расстрелять «кригс-комиссара», иначе говоря, военного комиссара, высокопоставленного чиновника, приравнивавшегося по положению в армейской иерархии к старшему офицеру! Оказывается, что авторы перевода совершили чудовищную ошибку. Французское: «Je vis fusiller» (**я видел как расстреляли**) переводчик прочёл как «Je fis fusiller» (**я приказал расстрелять**)!! Так как весь текст переполнен подобными нелепостями, автор данной публикации обратился к подлинной рукописи Левенштерна, которая хранится в рукописном фонде РНБ.

В результате, чтобы восстановить истинный вид документа, был сделан новый перевод, который и предлагается вниманию читателей. Разделение по главам дано в соответствии с текстом рукописи. Главу XIII мы представляем с сокращениями, так как она посвящена в основном семейным делам Левенштерна. Зато всё, что касается службы автора во французском штабе и его наблюдения за Наполеоном даны впервые в точном переводе.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА В. И. ЛЕВЕНШТЕРНА

Глава XIII

В Вене мы остановились в отеле Императрицы австрийской; несколько дней спустя, я снял квартиру напротив церкви св. Петра в доме, носившем название Всевидящего ока. Это показалось мне добрым предзнаменованием.

В Вене я имел удовольствие встретить моего кузена барона Годхарда Будберга с его женой. Они жили здесь уже несколько месяцев и приняли нас самым любезным образом. Они были для нас друзьями и поддержкой.

Моя жена хорошо перенесла утомительное путешествие и мало-помалу окрепла; мои нервы также успокоились; на них благотворно поде-

йствовал однообразный стук экипажных колес. Я думал, что мы еще можем быть счастливы.

Я отдался удовольствиям, которые могла дать Вена. У меня были рекомендательные письма к графу Андрею Разумовскому, закадычному другу моего тестя, который принял меня как нельзя любезнее.

Я был представлен послу Франции, графу Андреосси¹, образованному человеку редких достоинств, который содержал к тому же свой дом на широкую ногу. Меня представили графу Рейхбергу, послу Баварии, графу Берольдингену, послу Вюртемберга, графу Гогендорпу, послу Голландии и маркизу Альфьери. Званные обеды и вечера непрерывно следовали один за другим.

Молодая графиня Кувенховен, урожденная Левенштерн, познакомила мою жену с графиней Стадион и другими дамами.

Граф Варжемон, камергер нашего двора, посетил нас, и был нам очень полезен в организации нашего дома, порекомендовав нам шеф-повара графа Кобенцеля, и кроме того внёс свою лепту в организацию замечательных и вкусных ужинов, которые мы давали. Граф помогал всем русским в Вене, которые принимали у себя гостей и которые имели карету в своём распоряжении. Он ездил в моей карете чаще, чем я, так что мы оба получали выгоду.

Посол Франции и некоторые члены дипломатического корпуса были нашими частыми гостями. В их обществе моя бедная Натали почти забыла о своей меланхолии.

Так как здоровье не позволяло ей сидеть позднее 10-ти часов, то графу Андреосси пришла счастливая мысль написать мелом на зеркале крупными буквами: «приказано расходиться по домам в 10 часов», так что, всякий, взглянув в зеркало, хотя бы мимоходом, невольно прочитывал эту фразу.

Заехать к нам посидеть часок-другой, прежде нежели ехать куда-нибудь на вечер или на бал, вошло в моду, и мне было довольно трудно поддерживать равновесие между обилием посетителей и теснотой нашего помещения.

(...)

По прошествии двух месяцев, Натали, казалось, вполне оправилась. Радость и счастье снова посетили наш дом, но, к сожалению, это продолжалось недолго. Появились симптомы более опасные, и уже на выздоровление ее не было никакой надежды! Она скончалась на моих руках в

страшных страданиях. Я остался совершенно один на свете, удрученный этим ужасным горем, не имея с кем разделить его.

Глава XIV

Занятие Вены французами в тот самый момент, когда моя жена была при смерти, придало этому горестному для меня событию еще более зловещий характер.

Во время бомбардировки, продолжавшейся всю ночь², один из снарядов, брошенных французами, попал в дом Ветцлара на Мельмаркте, где мы жили. Произведенный этим шум и волнение, крики: «пожар», бегство других жильцов, так напугали мою жену, что это ускорило ее смерть. Впрочем, ее состояние было таково, что врачи считали ее смерть благодеянием. Ее тело было набальзамировано тем же химиком, который бальзамировал маршала Ланна, герцога Монтебелло, и положено в часовне, в ожидании того, когда события позволят перевезти его на родину, в склеп, где покоились ее предки.

Венское духовенство не разрешило мне поставить ее тело в часовню, но я обратился к графу Андреосси, только что назначенному генерал-губернатором Вены, и духовным лицам пришлось уступить силе. Флигель-адъютант императора Александра I полковник Горголи и молодой и блестящий Чернышев³ были так добры, помогли мне отдать последний долг усопшей.

Они и граф Витт, с которым я был издавна дружен, употребили все свое старание, чтобы вывести меня из того бесчувственного состояния, в какое меня повергла кончина моей бедной Натали. Они советовали мне искать утешение на поле битвы и воспользоваться политическими обстоятельствами, чтобы принять участие волонтером в военных действиях Наполеона.

Опасность, с какою это было сопряжено, соблазнила меня; я уже смотрел на смерть равнодушно, я смотрел на нее скорее как на благо, так как она дала бы мне возможность соединиться вновь с дорогим существом, которого я лишился.

Как раз в это время в главную квартиру Наполеона прибыл генерал-адъютант князь Павел Гагарин⁴.

Я был знаком с ним еще в то время, когда он состоял в чине капитана при главной квартире князя Репнина в Гродно, и очень сошелся с ним, как с человеком очень умным и приятным. Он быстро сделал карьеру благо-

даря своему браку с красавицей княжною Гагариной⁵ и особому благоволению императора Павла, я потерял его из вида. Встретившись с ним в главной квартире Наполеона, я убедился, что он все еще был добрым и сердечным человеком, каким я знал его в Гродно.

Он представил меня принцу Невшательскому, обер-гофмаршалу Дюроку⁶, графу де Шампани⁷, министру иностранных дел, и герцогу де Бассано и испросил разрешение, чтобы я принял участие в кампании в качестве волонтера.

Наполеон изъявил согласие на мою просьбу. Я присоединился к графу Витту, который был причислен к той же категории, и мы вместе стали снаряжаться к войне; у графа Витта была по истине царская конюшня; поэтому выбор лошадей не представлял для нас ни малейшего затруднения; мы обзавелись лучшими лошадьми, нежели многие французские генералы, и они были конечно не хуже, нежели лошади щегольских адъютантов принца Невшательского и ординарцев Наполеона. Мы приняли участие в походе и участвовали в сражениях при Асперне, Ваграме, Голлабрунне и Цнайме.

Глава XV

Первый блестящие победы были одержаны Бонапартом в Италии: его имя было у всех на устах! Он пробудил усыпленные умы и сумел привокать все взоры.

Мне было очень любопытно видеть и наблюдать этого необыкновенного человека вблизи, в особенности в день битвы.

Его изумительная карьера, его выдающиеся военные подвиги, достопамятные походы, совершенные им в Италии, войны 1800, 1805 и 1807 гг. так мало походили на все виденное до тех пор, что мое любопытство было вполне простительно; видеть его вблизи было весьма поучительно.

Бонапарт принадлежит истории; ей придется выяснять необычайные качества, коими был одарен этот человек. Современнику трудно исполнить эту задачу, но он может изложить ясно и главное правдиво те события, в коих ему пришлось быть участником, и отметить некоторые особенные черты, присущие Наполеону, которые ему довелось самому наблюдать или о которых ему пришлось слышать.

Я не имею намерения, и даже возможности рассматривать с научной точки зрения вопросы, касающиеся военных действий; я хочу только высказать о них свое суждение. Каково бы оно ни было, оно может

пригодиться со временем как материал для исторического исследования и может представить некоторый интерес потому, что оно высказано искренно и беспристрастно.

Политические события находятся всегда в тесной внутренней связи с действиями армии и имеют огромное влияние на судьбу отдельных личностей. Со времени революции политика европейских держав никогда не шла рука об руку с политикой Франции, и поэтому нельзя было предполагать, что мне представится когда либо случай видеть этого замечательного человека, в особенности в день битвы. Это могло случиться лишь в виду тех чрезвычайных, выдающихся событий, какие народам Европы пришлось испытать.

Тильзитский договор и Эрфуртский конгресс доставили мне этот случай.

Франция расширила пределы своих владений и увеличила число своих союзников. Из смертельных врагов Наполеона мы делались его союзниками. История с трудом поверит этому.

Когда началась война Франции с Австрией, князь Сергей Голицын был назначен командующим корпусом, который должен был действовать в Галиции против наших бывших союзников.

В главную квартиру Наполеона был послан один генерал-адъютант (князь Гагарин) и несколько флигель-адъютантов русского императора: следовательно, можно было принять участие в походе французской армии, не нарушая этим приличия и не оскорбляя общественного мнения, что я и сделал.

Французская армия, в ее тогдашнем виде, без сомнения, могла считаться образцовою. Великие таланты, находившиеся в этой армии, их многочисленные подвиги храбрости и сражения, в коих участвовала эта армия, представляли обширное поле для наблюдения.

После испытанного мною несчастья, мой ум был склонен к серьезным размышлениям. Я мало делился своими мыслями, но много наблюдал. Мне хотелось в особенности изучить Наполеона. Он один был достоин самых серьезных размышлений, как в отношении его оригинальной личности, так и в силу его многочисленных и разнообразных военных операций.

Выдающиеся качества, коим он был обязан своему возвышению, усиливались в день битвы величественной картиной этого зрелища, которое заставляло позабыть все его недостатки. Нам не известны многие весьма

важные подробности о действиях неприятельских армий; ни в бюллетенях Наполеона, ни в австрийских бюллетенях не следует искать правды.

Передавая их буквально, мы представили бы события в ложном свете, и это дало бы впоследствии повод ко многим ошибочным выводам. Но, описывая события по своим личным наблюдениям, не руководствуясь ничьим посторонним мнением, не отдавая предпочтения ни той, ни другой армии, можно льстить себя надеждою, что рассказ об этих событиях будет любопытен если не по изложению, то по его беспристрастию и по некоторым подробностям, доселе быть может неизвестным.

Я не упустил случая все видеть и собрать обо всем самые обстоятельные сведения; но, клянусь Богом, я не имею притязания написать сочинение безупречное: я ручаюсь за одно, — что мой рассказ будет изложен добросовестно.

Глава XVI

После объявления войны, в 1809 г., Наполеон быстро одержал ряд побед, которым он был обязан своему выдающемуся гению и которые привели его армию к воротам Вены.

Император Франц II, вся императорская фамилия и все высшие сановники выехали из города. Эрцгерцог Максимилиан остался в Вене, чтобы защищать столицу.

Генерал Гиллер, командовавший арьергардом австрийской армии, отступал перед победоносной армией Наполеона, по большой дороге, идущей в столицу из Браунау, между тем как эрцгерцог Карл приближался к Вене с главными силами своей армии, спускаясь с Богемских гор.

Появление корпуса Гиллера несколько ободрило упавших духом венцев. Жители столицы соперничали друг перед другом, чтобы встретить подобающим образом этих храбрецов, лица которых, потемневшие от загара и пыли, имели внушительный, воинственный вид. Они стали бивуаком на улицах и городских площадях, где им были розданы в изобилии съестные припасы и вино.

На площади перед замком расположилось шесть великолепнейших батальонов венгерских гренадер самого воинственного вида. В городе все волновались и только говорили о том, что надобно защищаться до последней крайности. На валах была поставлена гвардия, жители просили выдать им оружие и отправились за ним в арсенал. Им были розданы ружья и патроны. Горе тому, кто позабыл бы прицепить к шляпе

австрийскую кокарду или, будучи в состоянии носить оружие, не имел бы ружья на плече.

Я причислился из любопытства к числу сражающихся, и просил также дать мне ружье. Я встал на посту на валу, называемом Бастион «la Bastey», который служит в хорошую погоду местом прогулки для лучшего общества города Вены.

Мне хотелось самому видеть и наблюдать своими собственными глазами, до какой степени может дойти энтузиазм народа. Но я вскоре убедился, что у добрых венцев он бывает не особенно продолжителен.

С наступлением ночи, когда жареные цыплята, которых истребляют в Вене в таком огромном количестве, были все съедены, умы успокоились и все разошлись по домам.

Я также бросил ружье и стал простым зрителем событий, которые следовали одно за другим с удивительною быстротою.

Наполеон потребовал, чтобы город сдался, и, получив отказ, приказал тесно обложить Вену, возвести батареи и бомбардировать столицу.

Эрцгерцог Максимилиан выехал из города ночью, предоставив его своим собственным силам. Князь Людвиг Лихтенштейн, тяжело раненый, остался в Вене. Генерал О'Донелл принял командование войсками.

Бомбардировка продолжалась всю ночь: несколько домов было сожжено. Первым запылал большой дом на Грабене, называемый Траттенерхоф. Дом, в котором я помещался, также не был пощажён.

На улицах царствовала полнейшая тишина.

Жители не смели выйти на улицу, опасаясь быть ранеными осколками бомб; солдаты жались к домам со стороны, противоположной неприятельским батареям; зрелище было довольно грустное и зловещее: одни только пожарные проявляли большую деятельность и исполняли свой долг без шума, действуя смело и безукоризненно.

В четыре часа утра бомбардировка прекратилась. Я вышел на улицу, чтобы составить себе понятие об опустошении, произведенном в городе, и к величайшему моему удовольствию, увидел, что пострадали только одни оконные стекла и что благодаря стараниям пожарных, обгорело всего несколько крыш.

Я разыскал некоторых знакомых, которые спрятались в подвалы, и убеждал их выйти из этих сырых помещений, уверяя, что опасность миновала; что французы займут по всей вероятности город, который не имел никаких средств к защите, ибо иначе он будет превращен в груды развалин. Действительно, в 11 часов бомбардировка возобновилась, но в

полдень была подписана капитуляция, и в два часа французы вступили в Вену.

Глава XVII

Способ, коим совершилась эта оккупация и вступление войск в Вену, был настолько характерен, что он обратил мое внимание, и по моему мнению был превосходно рассчитан по характеру жителей Вены.

Я отправился на площадь перед замком, неподалеку от ворот, называемых Бургтор. Оттуда я мог всё видеть и всё слышать.

Прежде всего, в воротах появился маленький французский барабанщик, нечто вроде гамена в мундире. Он шел один, держа в руках большое письмо, которое он нес так, чтобы его было заметно, и чтобы нельзя было ошибиться на счет свойства данного ему поручения. Его схватил офицер городской стражи и повел к австрийскому коменданту.

Несколько минут спустя явились два изящно одетых молодых французских офицера; можно было подумать, что они шли с визитом, а не из неприятельского лагеря. Одного из них звали Марбёф, и я познакомился с ним впоследствии. Они шли под руку, как будто гуляли. Сказав несколько слов офицеру, командовавшему постом, они прошли далее, весело болтали между собою, вежливо кланялись дамам, спросив встречного на прекрасном немецком языке, который час, поблагодарили и прошли дальше. Вслед за ними явилось четыре гвардейских гренадера без ружей; они вошли в кафе, начали играть на бильярде, заплатили вперед за все, что потребовали; вели себя тихо и благопристойно.

Народ был весьма изумлен тем, что неприятель считал себя, по-видимому, в совершенной безопасности; волнение, царствовавшее в толпе несколько минут перед тем, сменилось величайшим спокойствием.

Вслед за этими веселыми солдатами, игравшими на бильярде, вступил небольшой отряд артиллеристов. Ни у кого не спрашивая дороги, он направился прямо к арсеналу, который был им занят.

Затем в город вступил батальон гренадер и занял вместе с городской стражей большую гауптвахту перед замком. Наконец прибыл граф Андреосси, назначенный генерал-губернатором Вены. Он сошел с лошади у самого замка и занял комнаты императрицы. Вслед за ним приехал главный интендант граф Дарю, который поместился также в замке.

Корпус маршала Ланна, герцога Монтебелло⁸, вступил в город с развращенными знаменами и с барабанным боем. Корпус Массены последовал

за ним, и затем в город устремились подобно потоку отряды французов, которые шли непрерывно один за другим. Тут жители убедились с запозданием, что кротость и скромность, выказанные французами в момент их вступления в город, имели целью только испытать народ, взглянуть, как он будет держать себя, что можно от него ожидать, и велики ли его энергия и отчаяние.

Главная квартира Наполеона находилась в Шёнбрунне. Гвардия расположилась в окрестностях этой императорской резиденции.

Я нанял, еще до вторжения французов, для себя загородный дом близ Шёнбрунна, в деревне Хитцинген и к моему величайшему неудовольствию был выселен оттуда гренадерами старой гвардии. Они без церемонии заняли мой дом и когда я зашел туда по окончании оккупации, чтобы посмотреть, какая участь постигла мою мебель, то я увидел с сожалением, что французы поставили в гостиной на стол бочонок вина и употребляли его так, как мы употребляем ведёрко с пуншем, распевали песни и не обращали ни малейшего внимания на мое изумление. Я поступил как мудрец, удалился, не сказав им ни слова, и более не возвращался в этот дом.

Так как я был хорошо знаком с генералом графом Андреосси, в то время когда он был посланником в Вене, то я нанёс ему визит. Он принял меня как нельзя лучше; но, несмотря на свою скромность, не удержался, чтобы не заметить, что он принимает меня в тех самых покоях, где два месяца перед тем мы были вместе с ним на приеме у императрицы.

Мне не понравилось это замечание, и я отвечал, что разумеется в то время никто не мог предвидеть подобного бедствия.

— Вы правы, — сказал он, — это большое несчастье, но, по правде сказать, не стоит пытаться поднять дубину Геркулеса, когда на это не хватает сил.

Он пригласил меня поужинать вместе с ним. Роскошь и изысканность, царствовавшая два месяца перед тем за столом бывшего посланника, сменились самой скудной трапезой как это принято за столом австрийского императора. Посуда была украшена австрийскими императорскими орлами, лакеи носили ливрею австрийского двора, но вина были не с берегов Гаронны и Роны, как прежде.

Стол был накрыт на 40 персон, но нас было всего 12 человек, в том числе было несколько генералов, среди них выделялись Лагранж⁹ и Вальтер¹⁰. Все остальные были типичными военными и издалека в них было видно солдафонство. Они вошли в помещение, не снимая своих шляп и

меховых шапок, никому ни поклонились, говорили друг другу «ты» не будучи при этом друзьями, и не могли сказать двух слов, не вставив какое-нибудь крепкое выражение.

Зато генерал Лагранж показался мне очень обходительным человеком, и я много беседовал с ним. Генерал Вальтер командовал тяжёлой гвардейской кавалерией. Этот человек по своему виду был настоящий конный гренадер, но уже несколько отполированный в императорских салонах. Как говорили, Наполеон весьма его ценил. Генерал Лагранж познакомил меня с полковником Беркхеймом, командиром 1-го кирасирского полка и с полковником Лепотром, командиром 9-го кирасирского полка.

Беркхейм был в Петербурге вместе с Коленкурром во время его первого приезда в Россию; он вспоминал с удовольствием о тех, с кем познакомился. Он посещал дом моего тестя и подружился со мной. С тех пор мы часто виделись. Он оказался мне очень полезен, так как ставил меня в известность о всём, что происходит.

Я поехал в Шёнбрунн и присутствовал на большом параде, который происходил на замковом дворе. Наполеон присутствовал в сопровождении своей воинской свиты и большого штаба.

Я увидел, наконец, этого замечательного человека — и признаюсь, он не произвел на меня ожидаемого впечатления. Его лицо было мне знакомо по портретам; но я нашёл, что он был полнее, нежели его обыкновенно изображали. Его походка была неграциозна, он держал себя слишком просто, в его поступи было мало достоинства. Он находился постоянно в движении, не мог ни минуты простоять на месте, но говорил очень мало; часто нюхал табак и, как будто сгорая от нетерпения, то закладывал руки за спину, то скрещивал их на груди. Не знаю, подражал ли он Фридриху Великому или просто был нетерпелив, но я видел, что он брал табак из кармана, не трудясь достать для этого табакерку.

Возле него стоял принц Невшательский (Бертье); он один носил такую же шляпу, как Наполеон, и мундир без шитья. Наполеон только с ним обменялся несколькими словами.

Парадом командовал генерал Дорсенн¹¹; это был красивый, прекрасно одетый и еще молодой человек, с замечательной военной выправкой.

Во время парада ружейные приемы и церемониальный марш были исполнены с большой отчетливостью; мундиры гвардейских гренадер поражали чистотой и изяществом.

К Наполеону подошли запросто, без всяких предварительных представлений, несколько офицеров и солдат линейных войск и подали ему прошения. Он принял их благосклонно, задал им несколько вопросов, затем, передав их просьбы Бертье, сделал знак, чтобы они удалились.

Доступность, с какою он позволял подходить к нему во время парада, была одним из тех средств, коими он умел снискать любовь армии. Каждому воину было лестно, что он имел право прямо обращаться к монарху, к верховному вождю армии, и высказать ему свои желания и все то, что его волновало.

Эти просьбы нередко оставались без последствий, но надежда уже сама по себе есть счастье; к тому же каждому было лестно, что император обратил на него внимание хотя бы на пять минут. Этот великий человек был большой шарлатан, но его шарлатанство было рассчитано на характер французов и вообще на свойства человеческого сердца.

Князь Гагарин представил меня принцу Невшательскому и гофмаршалу Дюроку. Бертье представил меня в свою очередь Наполеону.

«Что вы делали в Вене?» — спросил император и, не ожидая ответа, так как Бертье уже передал ему о моем желании следовать за главной квартирой, он добавил: «Отлично, вы будете в числе наших».

Я глубоко поклонился. В ту же минуту, приметив Баварского королевского принца, Наполеон подошел к нему и обнял его.

Венские зеваки толпою устремились в Шёнбрунн, чтобы взглянуть на этого необыкновенного человека.

Часовым, которые были расставлены в аллеях, ведших ко дворцу, было приказано пропускать во двор всякого, кто был прилично одет; вследствие этого на парадах была всегда огромная толпа народа, желавшая видеть Наполеона вблизи. Для его личной безопасности не было принято никаких видимых мер.

По окончании парада он сделал общий поклон и поднялся с изумительной быстротою в замок, шагая через две и три ступеньки, так что свита с трудом поспевала за ним.

В одной зале, смежной с его кабинетом, уже был сервирован обильный обед. Приглашённых угощал гофмаршал Дюрок, а Наполеон обедал один с Бертье. Я приглашался обыкновенно на эти обеды, которые более походили на изобильный ужин, так как при этом подавался суп и кофе со сливками.

Отряд гвардейских конных егерей, был всегда наготове сесть на коня по первому сигналу: собираясь выехать, Наполеон никогда не пред-

упреждал о том; «Моего коня!»; — говорил он, и это служило сигналом к отъезду, и, действительно, две минуты спустя он уже был на коне. Для него всегда стояла наготове оседланная и взнузданная лошадь.

В тот момент, когда он произносил: «Моего коня», все спешили вскочить на коней, толкали, роняли друг друга, всякая учтивость исчезала. Отъезд императора походил всегда на тревогу, на внезапное нападение неприятеля.

Вскочив на свою арабскую лошадь, он мчался с места в галоп, редко давая себе труд подобрать поводья.

Вследствие этого, однажды случилось, что конь, вместо того, чтобы ехать по дороге, направился прямо в конюшню. Это привело Наполеона в бешенство, и когда один из дежурных конюхов остановил его, император, не сказав ни слова, сильно ударил коня хлыстом пять или шесть раз и затем пустил его своим привычным аллюром.

Он совершал эти поездки с чисто военной целью: производил рекогносцировки, по всем направлениям вдоль правого берега Дуная; между прочим, посещал также остров Лобау. Только однажды он проехал чрез Вену, но не останавливался в городе.

Наполеон часто производил смотры различным армейским корпусам, которые проходили перед ним парадным маршем. Он часто инспектировал артиллерию и парки; его интересовало все, имевшее отношение к армии; он не упускал ни одного случая, чтобы приобрести расположение солдат и офицеров. Поэтому, никакого командира не обожали, так как его.

Предвзятые мнения бывают личными, бывают национальными. И конечно же многие относились к императору предвзято, пропуская каждое его дело через призму, которая часто представляла всё в искажённом свете. Хотя я уважал Наполеона за его таланты, за его изумительное счастье, но не любил его за зло, сделанное Европе, и особенно за то, что он заставил поблекнуть славу нашего оружия. Однако беспристрастие, коим я дал себе слово руководствоваться, заставляет меня сказать, что как предводитель армии он был бесподобен.

Глава XVIII

В Шёнбрунне, в тишине своего кабинета, Наполеон обдумывал план переправы через Дунай и остановился на острове Лобау¹². На рукавах Дуная были сооружены мосты. Все было окончено с изумительной быстротою и с величайшей тайне. В Вене об этом почти не подозревали.

21-го мая армия форсировала наконец Дунай, а 22-го числа произошло сражение при Асперне.

Еще 13-го мая, в день сдачи г. Вены, Наполеон пытался перейти Дунай при Нуссдорфе, но эта попытка не удалась. Пришлось, прежде всего, овладеть островом, названным впоследствии островом Лассаль, который лежит против Нуссдорфа. Понтонеры и моряки гвардейского экипажа высадили на этот остров 1.000 человек, посланных генералом Сент-Илером¹³. Австрийцы энергично атаковали этот отряд, который сражался с изумительной храбростью и погиб в бою.

Во время этого дела, Наполеон попал под ружейный огонь австрийцев; его шляпа была прострелена. Возле него находился в этот момент один только молодой и блестящий Чернышев. Он рассказывал нам впоследствии, что Наполеон пришпорил свою лошадь, чтобы выехать из узости, образуемой в этом пункте берегом. Достигнув плоской возвышенности, которая была вне сферы ружейных выстрелов неприятеля, он сделал вид, будто не он приказал Сент-Илеру послать 10 рот, чтобы сделать попытку переправиться в этом пункте.

Как всегда ловкий политик, он сказал:

— Во всем этом и в понесенной нами потере виноват безумец Сент-Илер. Я приказал ему послать всего 50 вольтижеров.

Эта неудавшаяся попытка заставила Бонапарта избрать для переправы другой пункт, выше Эберсдорфа, приблизительно в двух верстах ниже Вены. Переправа через Дунай совершилась, как я уже сказал, 21-го и 22-го мая.

Французская армия выступила с острова и двинулась по левому берегу Дуная, имея для сообщения с противоположным берегом всего только один понтонный мост, обстреливаемый все время неприятелем. Мост, наведенный через второй рукав Дуная, был разрушен во время сражения — австрийцами; впрочем, благодаря дружным усилиям французских матросов и понтонеров, он был вскоре исправлен. Тем временем, сражение под Асперном началось.

Для того, чтобы разрушить мосты, австрийцы то и дело спускали по течению различные плавучие тяжести, и, несмотря на бдительный надзор понтонеров, 22-го мая были снесены два больших понтонных моста.

Так как французская армия не имела сообщения с противоположным берегом, то в ней вскоре стал ощущаться недостаток в боеприпасах и хотя их подвозили на лодках, но их было недостаточно по сравнению с выпускаемым количеством снарядов.

Матросы и понтонеры, энергия которых возрастала по мере того, как увеличивалась опасность армии, трудились неутомимо над починкою поврежденных мостов; им удалось исправить их после полудня, но мост, перекинутый через первый рукав Дуная, был разрушен вторично, а для его починки у французов не было необходимых материалов.

Австрийцы не знали, как велика была опасность, угрожавшая французской армии, но все же они воспользовались минутою замешательства, чтобы перейти в наступление; французы, у которых уже истощились заряды, употребили со своей стороны невероятные усилия, чтобы вернуться на остров Лобау.

Массена, баловень судьбы, одержавший на своем веку так много побед, покрыл себя и в этот день славою. Ланн, выказавший чудеса храбрости, был смертельно ранен и скончался несколько минут спустя на руках Наполеона.

Наполеон двинул своих кирасир, пожертвовав ими для спасения армии: все поле битвы было усеяно убитыми и ранеными солдатами в латах.

Положение императора было отчаянное, но его звезда еще не померкла. Он приказал с большим хладнокровием уменьшить артиллерийский огонь, чтобы сохранить оставшиеся боеприпасы, и пожертвовал, как я уже сказал, тяжелой кавалерией, чтобы спасти армию, которая успела, отступить на остров Лобау, прикрываемый Массеною, который занял лес влево от острова и храбро выдержал натиск всей австрийской армии.

Самому Наполеону угрожала опасность быть взятым в плен или убитым, чего он едва избежал.

Он переплыл через Дунай в маленькой лодке в сопровождении Бертье, Дюрока, Савари и Чернышева, который был в то время весьма молод, даже младше всех нас в чине, но удостоился особого внимания со стороны Наполеона.

Я решил благоразумно избежать опасности пока не поздно, не имея ни малейшего желания быть убитым австрийцами. Один жандармский офицер взял меня с собою в небольшую лодку, и мне осталось только перейти через мост, который еще не был разрушен, чтобы вступить на остров Лобау, где армия была скучена, не имея никаких средств к спасению. По недостатку перевозочных средств она терпела в течение нескольких дней недостаток в провианте и могла бы очутиться в еще более критическом положении, если бы эрцгерцог Карл, вместо того, чтобы удивляться и радоваться своей победе, прогнал бы отряд Массены из леса, в который

он укрылся, и начал обстреливать остров Лобау. Не подлежит сомнению, что он разбил бы на голову всю французскую армию.

Вследствие отсутствия сообщений, резервам, находившимся на правом берегу Дуная, и армейскому корпусу Даву пришлось бы в таком случае только быть зрителями этого печального события.

Апатия и нерешительность австрийцев спасли и этот раз французов от решительной гибели.

Перейдя с большим трудом мосты и пройдя через остров Лобау, Наполеон расположился в Кайзер-Эберсдорфе и лег спать, предоставив закончить дело маршалам и Бертье.

После всех этих неудач французская армия была до такой степени расстроена, что в некоторых полках осталось под ружьем не более 50 человек. Полковник Беркхейм, командовавший 1-м кирасирским полком, с которым я очень подружился, показывал мне список наличных сил своего полка; у него осталось всего 60 солдат и незначительное число офицеров, способных продолжать кампанию. 9-й кирасирский полк, под командованием полковника Лепотра был не в лучшем состоянии. В общем, вся кавалерия сильно пострадала.

По приказанию Наполеона, кавалерия расположилась на квартирах в окрестностях Бадена. Пехота заняла хорошо построенные бараки, которые походили на деревенские дома, крытые соломой. Местные жители должны были доставлять армии все необходимое и горько жаловались на это.

Великолепные дома, дворцы, между прочим, дворец эрцгерцога Карла, были превращены в госпитали. Последний стал госпиталем для французских офицеров. Я вспоминаю, как в роскошных салонах эрцгерцога я навещал брата полковника Беркхейма, который был тяжело ранен. Я делал это по просьбе полковника, просившего поухаживать за братом, и я навещал его столь часто как мог.

Чрезвычайная деятельность, выказанная в сем случае Наполеоном, огромные средства, которые он сумел извлечь из страны и даже в самой Вене, бездействие австрийской армии, — все способствовало тому, чтобы дать ему время и необходимые средства для того, чтобы реорганизовать армию.

В течение нескольких недель французская армия была реорганизована и успела окончательно оправиться; вскоре армия и главная квартира позабыли о всех понесенных ими неудачах и невзгодах.

Глава XIX

Я употребил время, проведенное нами в отдыхе, по случаю приостановки военных действий, чтобы совершить поездку в Баден и его окрестности. Мне сопутствовал полковник Горголи; в Бадене мы посетили графа Витта, жившего там со своей семьей.

В этом городе нашли убежище несколько русских семейств. Я встретил тут, между прочим, графиню Самойлову и познакомился у графини Витт, как с нею, так и со многими французскими офицерами и особенно сошелся с генералом Бордесулем, Арриги (герцогом Падуанским) и графом Уденарде, командиром кирасирского полка.

В компании этих дам и французских генералов мы отправились в Шенау. Мы совершали обыкновенно все поездки в экипажах графа Витта. Французов поражало то обстоятельство, что русский полковник, коим в то время был граф Витт, мог катать нас на своих собственных великолепных лошадях, предоставив одновременно в наше распоряжение коляску, запряженную четверкою в ряд, с русскою упряжью, коляску, запряженную четверкой «à la d'Омон», фаэтон, запряженный парой лошадей в английской упряжи, кабриолет и русские дрожки в одну лошадь с пристяжкой и польскую бричку, с польской упряжью и краковской сбруей. За то граф Витт сумел истратить огромные суммы денег; колоссального состояния его матери, красавицы графини Потоцкой, не хватало на то, чтобы пополнять его траты и сохранить миллионное состояние.

Шенау и его парк слишком хорошо известен, чтобы стоило описывать их прелести; но необыкновенное зрелище представлял бивуак, расположенный во дворе замка, и гиганты кирасиры, занимавшие все близлежащие строения дома. Я должен, однако, отдать справедливость французскому начальству: солдаты ничего не испортили, не помяли даже цветников.

Мы посетили императорский замок Лаксенбург. Повсюду мы видели расположившихся на отдыхе французских солдат, они везде уважали чужую собственность и хотя брали все нужное для жизни, но брали с толком. Французская администрация обставляла все известной формальностью: у вас брали платье, но вам оставляли рубашку.

Я видел, например в Люксембурге, в кабинете австрийского императора, прелестные маленькие картины, которые легко можно было унести, однако, до них никто не дотронулся, точно также, как и до множества

редких и ценных предметов, находившихся в покоях старинного замка, посреди озера.

Мой слуга, уроженец Вены, был менее щепетилен. Он утащил из столовой древних рыцарей очень старинную и любопытную вещь, которую он подарил мне по возвращении из Вены. Как я его ни бранил, но никак не мог убедить этого бывшего венгерского подданного, что эта вещь украдена им у его собственного монарха; он отвечал мне, что там, где неприятель и где война, позволительно брать все, что попадет под руку, а что взято, того не стоит возвращать.

Взятую вещь, — хрустальный поднос с инкрустацией из слоновой кости, нельзя было вернуть, тем более было не время наказывать слугу; но я все же прочитал ему нравоучение, а затем дал ему за поднос несколько дукатов и подарил его моему тестю, графу Тизенгаузену, который вел свое происхождение с 1200 года и которому было приятно иметь вещь, быть может, служившую некогда одному из его предков.

В Вене я часто проводил время с офицерами - ординарцами Наполеона и с адъютантами Бертье. Это был цвет блестящей парижской молодежи: любезные в обществе, они блистали своею храбростью на поле битвы.

Все они жили в доме жены маршала, княгини Любомирской. Я встречал у нее Флао, Монтестье, Фезенсака, Канувиля, Хлаповского, Сент-Эньяна, Уденарде, Монмора, Красинского, Любенского, Порталиса, Перигора, Тюренна, Мортемара¹⁴ и многих других. Беседуя с ними, я имел возможность узнать многие подробности и оценить слабые и доблестные стороны французской армии.

Мы болтали, играли, пели, говорили обо всем; французы люди откровенные. Я заметил однажды этим господам, что их бюллетени очень приукрашены и что события, происходившие на наших глазах, описаны в них далеко не верно.

— Это правда, — сказал де Сент-Эньян, но, если хотите, я скажу вам, какая разница существует между нашими и вашими бюллетенями: мы пишем бюллетени только для парижских зевак и для легковерных людей Европы, но Наполеону мы всегда говорим правду. В ваших же рапортах скрывают правду от монарха, хотя народ догадывается о ней.

В доказательство своих слов, он показал мне донесения, посылаемые Наполеону, и я убедился, что от него не смели скрывать правду и ее говорили императору без прикрас.

У графини Витт я встречал часто графа Красинского и многих других поляков.

Я познакомился с хорошенькой Валевской¹⁵, приехавшей из Варшавы, чтобы усладить тоску Шёнбруннского героя (*Наполеона*); я видел, как она возвращалась, сияя счастьем, когда ей удавалось рассеять думы с чела этого человека, заставлявшего трепетать всю Европу.

Валевскую нельзя было назвать красавицей, но она была очень хорошенькая женщина; в ее фигуре не было изящества, но за то ее глаза были очаровательны, а цвет лица ослепительный. Прибавьте к этому восхитительный рот, очаровательную улыбку, доброе сердце и в особенности страстное преклонение перед ее знаменитым любовником, чего мы, обыкновенные люди, никак не могли понять; но она уверяла нас в этом с такою простотою и искренностью, что нам приходилось из вежливости делать вид, что мы этому верим. Она вышла впоследствии за муж за графа Орнано, молодого и блестящего генерала императорской гвардии.

Если перенестись мысленно в ту эпоху, то легко себе представить, какое обаяние имели в наших глазах все лица, приближенные к обитателю Шёнбрунна, и что чай, который мы пили ежедневно с этой хорошенькой женщиной, до губ которой только что коснулся Бог войны, казался нам вкуснее чая, получаемого нами обыкновенно из Китая.

Она проводила с Наполеоном ежедневно всего один час и рассказывала нам в дружеской беседе у г-жи Витт, что он был с нею любезным в продолжение этих 60 минут, но по прошествии этого времени становился нетерпелив, и тогда надобно было уйти, не выказывая неудовольствия и не жеманясь; он требовал, чтобы с ним были, как говорится, покладисты.

Глава XX

Несмотря на огромные повинности, коими была обложена Вена, в ней соблюдался строгий порядок. Бывали, конечно, злоупотребления, но они преследовались. Я видел, как расстреляли одного французского военного комиссара, который позволил себе притеснять жителей.

Театры были открыты, рестораны всегда были переполнены. Нередко приходилось видеть, что какой-нибудь гренадер сидел рядом с генералом; почтительно вставая при его приближении, сделав под козырек, он садился, требовал шампанского и пил за здоровье своего генерала. Мы удивлялись этой простоте обращения, но французы находили это вполне естественным, а дисциплина и подчинение от этого ни мало не страдали. Французский солдат послушен в строю и беспрекословно повинуетя

командирам; остальное время он считает себя человеком и прежде всего гражданином, гордится этим и пользуется этим по-своему¹⁶.

Отдых, которым армия пользовалась в течение двух недель, можно было сравнивать с спокойствием, предшествующим буре. Наполеон и Бертье обдумывали в это время в тишине кабинета гибель австрийской армии, и быть может монархии.

Наполеон решил еще раз попытаться перейти Дунай, и сам избрал пункт для переправы. Испытанная им неудача показала, как было опасно совершить переправу через такую большую реку в виду армии, которая твердо решила не допускать этой переправы.

Наполеон испытал во время сражения при Асперне, что в состоянии сделать армия, воодушевленная любовью к отечеству и наэлектризованная командующим ею принцем (эрцгерцогом Карлом).

Было интересно видеть эти две армии, коими предводительствовали люди, умевшие воодушевить солдат.

Правила военного искусства требовали избрать для переправы иной пункт; по крайней мере, маршалы так полагали, что Наполеон так поступит. Но либо другого более удобного пункта не было, либо железная воля Наполеона не могла помириться с мыслью, что ему придется отказаться от своего первоначального плана. Как бы то ни было, он упорно стоял на своем и решил, что переправа через Дунай совершится у острова Лобау. Все возражения, сделанные ему по этому поводу, оказались бесполезны. Он хотел взять реванш на том же месте, где он потерпел неудачу.

Приготовления, сделанные им, были столь же грандиозны, сколь смелым было самое предприятие. Для переправы армейских корпусов с Лобау на левый берег Дуная, было построено девять мостов; всего же для переправы войска было сооружено 17 мостов.

Французы нашли в Вене все необходимые материалы, которыми они искусно сумели воспользоваться. Деятельность и распорядительность, выказанная им при исполнении этого предприятия, превосходят всё, что можно вообразить. Со знанием сочеталась железная воля.

Намерение Наполеона не могло быть тайной для австрийцев. Если бы их не предупредили даже из Вены, то шум, производимый рабочими, был слишком велик, чтобы неприятель мог не догадаться о его причине.

За несколько дней до переправы Наполеон начал тревожить австрийцев на всех пунктах, утомляя и обманывая на счет своих истинных намерений. Он расставил на берегу острова Лобау артиллерию самого большого калибра, найденную им в венских арсеналах, чтобы иметь

возможность обстреливать левый берег Дуная и подготовить переправу своей армии, и перенес главную квартиру из Шёнбрунна в Кайзер-Эберсдорф.

Ночь, предшествовавшая сражению, была очень бурная: все время свирепствовал ураган, сопровождавшийся проливным дождем; опасались, чтобы и этот раз половодье не разрушило мосты.

Французская армия, сгущенная на острове Лобау, перенесла все стойко и терпеливо. В самую грозу 1.500 вольтижеров были посажены на суда и переправлены на противоположный берег Дуная; эта переправа совершилась под наблюдением адъютанта Массены, полковника Лакруа, который покрыл себя славою и был в тот же день произведен в генералы. Наполеон любил немедленно награждать заслуги.

Как только переправились вольтижеры, тотчас были наведены мосты, и Наполеон мог сказать: «Нет более Дуная»¹⁷.

Глава XXI

Мы отправились из Вены рано утром вместе с графом Виттом, чтобы присутствовать при великих событиях этого дня.

Мы нашли князя Гагарина еще в Эберсдорфе; Горголи и Чернышев были уже с Наполеоном на острове Лобау. Мы поспешили нагнать их и прибыли в тот момент, когда Наполеон переходил через последний мост, чтобы оказаться на левом берегу Дуная.

Признаюсь, я был несколько удивлен тому, что генерал-адъютант императора Александра, лицо официальное, не находился возле героя этого дня, и даже высказал Гагарину свое удивление по этому поводу. Он принял мое замечание довольно добродушно; но впоследствии, я имел случай убедиться, что дело, которым мы все интересовались, было ему не по вкусу. Непонятно, как мог император Александр так ошибиться, послав в главную квартиру Наполеона человека столь мягкосердечного и так мало способного быть представителем нашей армии.

Князь Гагарин, человек весьма умный и обходительный, тушевался в блестящей толпе молодых людей, которые воодушевлялись, едва слышав запах пороха. К счастью, Горголи и Чернышев не уступали никому своими выдающимися личными качествами и воинственным огнем, коим горели их глаза.

Я убедил князя Гагарина поспешить к Наполеону; и мы подъехали к нему в тот момент, когда он переходил через последний мост. Смешав-

шись с толпою, князь Гагарин держал себя безупречно; никто не мог заподозрить его антипатию к войне и предпочтение, которое он отдавал ботаническому саду Шёнбрунна, что и было причиною того, что он не принимал участия в интереснейших и поучительных рекогносцировках, которые предшествовали этому великому дню.

Когда Наполеон появился на равнине, на ней уже было развёрнуто огромное количество пехоты. Его приветствовали возгласом: «Да здравствует император!» Саксонская кавалерия развернулась в боевую линию в присутствии Наполеона; он был видимо доволен.

Я увидел тут впервые Бернадота¹⁸, окруженного блестящим штабом; быть может, он уже предвидел в то время видную роль, какую ему пришлось играть впоследствии. Он отличался величественной наружностью и прекрасными манерами; саксонцы, коими он командовал, обожали его. Наполеон, отдавая должное большим способностям Бернадота, однако не любил его.

Он был выслан прямо с поля сражения, выигрышу которого он нимало способствовал. Он прибыл во Францию вовремя, чтобы воспрепятствовать десанту англичан на остров Вальхерен. Его корпус, который так славно сражался и столь способствовал успеху, был поручен другому. Маршал уехал на почтовых, увозя с собой сожаление всей армии и в особенности своего корпуса.

Император поговорил примерно минуту с Даву и Массеной, из коих первый командовал правым, а второй левым крылом французской армии. Оба маршала ускакали в галоп к месту своего командования, чтобы исполнить приказы, которые им только что дал император. Сам же он, отъехал от главной квартиры, которой командовал Дюрок. Её составляли все офицеры-ординарцы, все штабные офицеры, адъютанты принца Невшательского, министры: Шампаньи, Маре и Дарю, отряд жандармов, дежурный эскадрон конных гренадер и эскадрон гвардейских конных егерей.

Императора сопровождал Бертье с двумя берейторами, в мундирах, обшитых галунами. Наполеон объехал в галоп позиции и отдал приказы о движении войск.

Между тем мы все сошли с лошадей и, чтобы лучше видеть движение и позицию неприятеля, взобрались на какое-то полуразрушенное старое строение.

На этой развалине я познакомился с герцогом де Бассано (Маре). Живя в Берлине, он был хорошо знаком с графиней де Брз, урожденной

Левенштерн, моей кузиной, и вспоминал о ней с приятными дружескими чувствами. Он показал мне полученный им из Парижа красивый портрет его жены и детей, с нежностью говорил о ней и о своих детях, не подозревая, как мое сердце обливалось при этом кровью.

Кажется, ему было не особенно приятно очутиться на нашей развалине в своем придворном шитом мундире, тем более, что он провел всю ночь под проливным дождем.

— Император, — сказал он, — промок точно также, как и мы, но он может сменить белье и платье, когда ему заблагорассудится, мы же должны будем находиться при нем, не сменив одежды.

Де Бассано прочитал мне письмо, которое император передал ему с улыбкою и в котором анонимный автор предупреждал Наполеона, что в некоторых пунктах были заложены мины, и что предполагалось взорвать на воздух большую часть французской армии и его самого. Император посмеялся над этим известием, но герцог де Бассано был, по-видимому, очень озабочен, хотя делал вид, что не придает значения этому предостережению. Он вытащил из кармана бутылку превосходного коньяка и дал мне выпить его изрядное количество.

Пока мы разговаривали, Дюрок приказал нам двинуться далее вместе с главной квартирой. Все поспешили слезть с развалин, чтобы побыстрее оседлать коней. Кое-кто упал, и смех был всеобщим.

Я слез одним из последних: так как я был подвержен головокружению, то я никак не решался спуститься со стены, которая была почти отвесна. Граф Тюренн сжалился надо мною и помог мне, переставляя мои ноги из одной расщелины в другую, пока я не соскочил, наконец, на землю. Без его помощи я пожалуй и до сих пор сидел бы на этой стене.

Вскочив на коней, мы поскакали во весь опор, чтобы нагнать Наполеона. Он следовал шагом за наступательным движением армии. Канонада загрохотала по всей линии. День был солнечным, и зрелище битвы незабываемым. Наполеон был спокоен и молчалив. Со всех сторон подскакивали адъютанты с рапортами. Он слушал их и отсылал обратно, отдавая приказы невозмутимо и точно. Если нужно было послать кого-нибудь, он никогда не назначал адъютанта, этим занимался Дюрок, который делал это по заранее составленному списку.

Когда отдельным отрядам надобно было присоединиться к тому или другому корпусу или дивизии, то опять-таки Дюрок указывал, в каком направлении им надлежало идти. Все происходило без суеты и затруд-

нений. Ложное рвение, которое так часто видишь в иных генеральных квартирах, здесь было изгнано.

Чтобы получить награду, недостаточно было исполнять свой долг, надобно было отличиться: храбрость ценилась, но неустранимость удостаивалась особой похвалы. «Благодаря ней, выигрываются сражения», — говорил Наполеон. Протекция только помогала выдвинуться, но, при отсутствии личных качеств, ее было недостаточно для того, чтобы получить незаслуженную награду, и я думаю, нельзя указать ни одного случая, когда крест был получен только благодаря протекции.

Наполеон говорил мало и обращался исключительно к одному Бертье.

В критический момент, когда левому крылу угрожала опасность от натиска австрийцев, Наполеон послал Бертье узнать, в каком положении было дело, и указал ему, как исправить его. При этом было ясно, что именно он, а никто иной руководил действиями армии, и что он ни с кем не советовался и не подчинялся постороннему влиянию, ибо, дав инструкцию Бертье, он сказал: «Хорошо ли вы поняли меня?»

— Понял, ваше величество, — отвечал Бертье.

— Ну, так повторите мое приказание.

Человек, говорящий таким тоном первому генералу своей армии, уверен в самом себе. Не подлежит сомнению, что сражения выигрывал сам Наполеон, единственно благодаря своему гению: Бертье руководил только деталями организации движений армии.

К вечеру была произведена энергичная атака на центр. Саксонцы потеряли при этом множество людей. Наполеон был недоволен Бертье, который сделал, однако более, нежели был в силах.

Приказав направить атаку на центр, император спрыгнул с коня, отошел от нас шагов на 40—50 и стал рвать цветы и пшеничные колосья. Он сделал из них букет, и тотчас его бросил, потом сделал то же самое, наверное, полдюжины раз. Атака была неудачна: поле битвы было усеяно убитыми и ранеными; Наполеон сел снова на лошадь; его лицо было мрачно; все переглядывались молча, никто не произнес ни слова.

Ночь застигла нас на поле битвы; мало-помалу пальба прекратилась с обеих сторон; участь сражения еще не была решена. Наполеон остался со своей гвардией на поле битвы и провел ночь под открытым небом. Деревни в округе пылали, слышались стоны раненых; ночь была темна, а погода тёплая. Темнота еще более увеличивала зловещую красоту зрелища: на горизонте пылали бивуачные огни, и виднелось зарево пылавших деревень.

В главной квартире царствовал невообразимый хаос, но потом всё пришло в порядок. Поначалу же все толпились, лошади лягались, все громко звали своих товарищей, чтобы не потеряться. Не знаю, как Наполеон разобрался в этой неразберихе, ибо не было видно ни зги.

Наши лошади не получали корма в течение 24-х часов. Так как можно было предполагать, что сражение возобновится на следующей день, некоторые из нас решили вернуться в Эберсдорф, где находилась основная генеральная квартира. Там мы надеялись подкрепиться сами и покормить наших лошадей.

Только один Чернышев, которому было назначено отвезти известие о сражении в Петербург, остался при Наполеоне. Без сомнения, несмотря на то, что он был самым младшим среди нас по возрасту и по званию, Чернышёв сумел привлечь внимание Наполеона. Этот великий человек, проявлял большую симпатию к молодому русскому офицеру и не раз её демонстрировал.

Мы покинули поле сражения и направились на остров Лобау. Но в чёрной тьме ночи было трудно ориентироваться, бивачные огни сбивали нас с толку и мешали нам ориентироваться.

Князь Гагарин, человек весьма милый и любезный, был, к несчастью, весьма плохим кавалеристом, он свалился в глубокий ров и едва не убился до смерти. Мы с трудом вытащили его из этой пропасти. С нами были граф Витт, Горголи, граф Канизи, шталмейстер Наполеона, я и несколько других офицеров.

Мы с трудом добрались до первого моста, и каково же было наше приятное удивление, когда мы увидели, что все дороги, построенные на острове, были освещены фонарями, водружёнными на длинные жерди. Два берейтора, мундиры которых были все обшиты золотыми галунами, и коих Савари, временно исполнявший обязанности Коленкура, приставил к нам для личных услуг, много помогли нам при этом.

Едва мы приехали в Кайзер-Эберсдорф, как у нас появилось всё необходимое – продовольствие, напитки, фураж в избытке. То, что мы были русскими офицерами, гарантировало нам хороший приём. Наполеон лично отдал приказы, чтобы нас снабжали всем в изобилии, а Дюроку и Савари поручили позаботиться о том, чтобы эти приказы были выполнены.

Бедный кн. Гагарин так пострадал от своего падения, что ему пришлось возвратиться в Вену.

Глава XXII

Так как ночи коротки в это время года, наш отдых продолжался недолго. Утром мы поспешили нагнать Наполеона. Я старался, прежде всего, изучать этого полководца, так как пушечные выстрелы одни и те же, что при посредственном генерале, что при гении. Мы нашли его вскоре на биваке неподалёку от Расдорфа. Мы застали Наполеона, когда он стоял пешком в синем, а не в сером, как обычно пишут, сюртуке.

Австрийцы уже начали атаку, и скоро канонада загремела по всему фронту.

Наполеон объехал линию расположения своих войск во всех направлениях, но особенно обращая внимание на развитие наступления своего правого крыла. Его левое крыло, которое к этому моменту сражалось без успеха, казалось, его почти не занимало.

Массена прислал одного адъютанта за другим, чтобы сообщить о трудном положении, в котором находился левый фланг. Но император почти не обращал на это внимания. Он даже сказал одному из адъютантов, который прискакал просить подкреплений:

— Скажите Массене, что у меня нет войск в кармане.

С этими словами он вывернул карман и показал, что он был пуст.

— Каждый пусть дерется, как может.

Но мгновение спустя, получив известия об успехе Даву на правом фланге, он сам подскочил в галоп к гвардейской артиллерии и скомандовал громким голосом:

— Всю гвардейскую артиллерию вперёд!

Лористон получил приказ вести её в бой. За артиллерией последовала гвардейская кавалерия, и вскоре адский огонь начался около Адерклаа.

В этот момент я имел возможность, как и ранее в битве под Асперном, понять, что только злые языки могут утверждать, что Наполеон не обладал личной храбростью. На поле битвы он вёл себя, так как должен вести себя великий гений, главнокомандующий занятый тем, чтобы понять действия врага и руководить движениями своей армии.

Я видел, как он располагался повсюду там, где он мог лучше наблюдать за боем и та опасность, которой он подвергался, зависела исключительно от необходимости. Он мог оставаться всё время сражения на удалённой высоте, если оттуда он мог руководить боем, иначе говоря, играть свою партию лучше, чем где-либо. С другой стороны он без колебаний

устремлялся навстречу опасности, если иначе было бы невозможно. Так он поступил под Асперном. Действуя по-другому, он храбрился бы как молодой офицер. Но император шёл навстречу опасности без сожаления и противостоял ей без всякой рисовки. Позади него было убито несколько лошадей, он не обратил на это ни малейшего внимания, и никто не позволил себе указать ему на опасность.

Успех Даву против левого крыла австрийцев под командованием князя Розенберга был решающим и Наполеон объявил, что битва выиграна.

Герцог де Бассано сделал мне знак следовать за ним. И когда я несколько отделился от толпы, ему передали небольшую флягу с ромом и кусок хлеба, которые он предложил разделить со мной. Он сказал:

— Давайте, выпьем теперь глоток. Для вас, военных, дело уже завершилось, а для нас только начинается. И я Вас уверяю, оно будет не менее жарким.

Поле сражения имеет ту прелесть, что оно уравнивает людей. Герцог де Бассано в своём кабинете или просто в Париже был бы наверняка не таким доступным, как на поле боя под Ваграмом.

Наполеон спрыгнул с коня, его лицо было радостным и приветливым. Мамелюк расстелил небольшой коврик, на который лёг император. Из барабанов гвардейских гренадер соорудили пирамиду, чтобы сделать немного тени. День был жарким и солнечным. Четыре гвардейских гренадера встали вокруг императора, чтобы на него не наступили лошади. Генералы, министры и офицеры стояли рядом с его ложем триумфа и отдыха, и вокруг никто не произносил ни слова. Наполеон заснул крепким сном. Было около трёх часов дня.

Его сон был недолгим, так как подвели пленного австрийского полковника шеволежеров О'Рейли, Дюрок разбудил императора. Он приказал подвести пленного, все также лежа.

— Он говорит по-французски? — спросил он Дюрока, и так как он ответил отрицательно, он задал вопрос. Говорит ли пленный по-итальянски?

Это как раз оказался итальянец, и Наполеон говорил с ним на этом языке в течение нескольких минут. Задав ему несколько вопросов, среди которых его особенно интересовало, где находился эрцгерцог Карл, он отправил пленного, порекомендовав Савари хорошо о нем позаботиться.

Он встал и внимательно посмотрел за развитием наступления своей армии. Австрийцы повсюду отступали, и тогда он попросил подать ужин.

В тот же миг прибыли фургоны со всем необходимым. Очень быстро поставили две красивые палатки, и он вошел в одну из них вместе с Бер-

тье и Шампаньи. Как я помню, мы расположились с Монтеские и Дюроком так близко с палаткой Наполеона, что наши головы опирались на тросы, поддерживающие палатку. Мы разговаривали и смеялись во весь голос. Никому, кажется, не мешало наше присутствие. Наши товарищи объяснили нам, что Наполеон даже любит громкую весёлость в своём штабе, и что он скорее обошелся бы без Парижа, чем без веселья.

Французский лагерь не походит на лагеря других армий. Здесь шутка, сказанная вовремя, заменяет провизию, и если француз может болтать и смеяться, он забудет, что он голоден.

Я помню, что Монтеские рассказал о шутке, которую удачно парировала графиня Фюнфкирхен (теперь графиня Эстерхази), урожденная Шёппинг. В Вене продавались платки с планом города и его пригородов. Монтеские купил один из таких платков и сказал ей, что он очень удобный, потому что, находясь на поле боя, можно сморкаться в Вену. Все окружавшие засмеялись.

Тогда графиня Фюнфкирхен, не задумываясь, ответила: «Мы еще больше ценим эти платки, потому что, будучи в Вене можно плевать на Шенбрунн». Как известно, генеральная квартира Наполеона находилась в Шенбрунне. К счастью, этот изысканный, но дерзкий ответ был произнесен в присутствии достойных людей, таких как Флао, Уденарде, Порталис, и сам Монтеские, так что никто ничего не сказал Наполеону, в противном случае графине пришлось бы провести неприятные пятнадцать минут.

Французы ценят ум и к месту сказанные фразы, только насмешку они не выносят.

Пока готовили ужин, все старались добыть бумагу, чтобы написать письма в Париж и своим родным. Эти письма должны были отправить с поля сражения, чтобы объявить о победе всем европейским дворам. Блистательному красавцу Чернышёву предназначалось отвезти новость в Санкт-Петербург.

На траве расстелили скатерть, и, в то время, пока Наполеон ужинал в своей палатке с Бертье и Шампаньи, нам подали великолепную трапезу, на которой председательствовал гофмаршал Дюрок. Нам наливали дорогие бургундские вина, а блюда были великолепными.

Даву и Нансути, генерал тяжелой кавалерии, прибыли во время ужина. Наполеон их пригласил в свою палатку, дал им приказы и они отправились, но не проглотили ни куска...

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
О. В. Соколова.*

---

¹Андреосси Антуан-Франсуа (1761–1828), французский генерал и дипломат. После окончания военной школы начал службу лейтенантом в 1781 г. в артиллерийском полку. Принял активное участие в революционных войнах. Во время Итальянской кампании 1796–1797 г. сблизился с Бонапартом. За отвагу и боевое мастерство был произведён в июле 1796 г. в бригадные генералы. Участвовал в Египетской экспедиции. В 1800 г. получил звание дивизионного генерала. В 1802–1803 гг. был послом в Лондоне. С 1806 г. посол в Австрии. Накануне войны 1809 г. покинул столицу Австрии. Когда французская армия 10 мая 1809 г. подошла к Вене, бывший посол был назначен комендантом ещё не занятой австрийской столицы и начал реально исполнять свои функции после занятия города французскими войсками 13 мая 1809 г.

²Бомбардировка Вены началась вечером 11 мая и закончилась к утру следующего дня. За время бомбардировки по городу было выпущено 1800 бомб из тяжёлых мортир. В городе сгорело 31 здание, 66 было повреждено.

³В связи с тем, что Россия и Франция находились в союзных отношениях, хотя и формальных, в штаб французской армии были посланы под различными предлогами несколько русских офицеров. Они должны были выполнять роль связных между императорами, а заодно сообщать информацию о французской армии и лично о Наполеоне. Особенно большую роль сыграл молодой офицер Александр Чернышёв, сумевший войти в доверие к французскому императору настолько, что стал фактически одним из самых близких к Наполеону лиц.

⁴Гагарин Павел Гаврилович (1777–1850), князь, генерал майор. Его продвижение по служебной лестнице связано с его браком, так как в феврале 1800 П. Г. Гагарин женился на фаворитке Павла I Анне Петровне Лопухиной (1777—1805), дочери сенатора П. В. Лопухина. Одушевленный рыцарскими чувствами к Анне Лопухиной, Павел I решил не препятствовать её браку с человеком, которого она полюбит. Лопухина призналась Павлу I в любви к другу своего детства князю П. Г. Гагарину, находившемуся в Италии в армии Суворова. Павел I вызвал Гагарина из армии в Петербург, осыпал его наградами и устроил его брак с Лопухиной. В царствование Александра I князь П. Г. Гагарин остался в фаворе. В 1805 г. он сопровождал императора в походе 1805 г., в 1808 г. ездил на Эрфуртский конгресс, в 1809 г. был послан в качестве главного представителя России в ставку Наполеона. В 1811 г. стал директором Инспекторского департамента военного министерства. В декабре 1814 г.

вышел в отставку в чине генерал-майора, жил в Петербурге. Принимал большое участие в деятельности масонских лож «Астрея» и «Орёл Российский».

⁵Т. е. Анной Лопухиной.

⁶Дюрок Жерар-Кристоф-Мишель, герцог Фриульский (1772–1813), адъютант генерала Бонапарта, затем генерал-адъютант Первого консула Бонапарта, а затем генерал-адъютант императора Наполеона. Дюрок был одним из самых преданных соратников Наполеона. В 1805 г. Дюрок становится гофмаршалом Императорского двора. Когда Дюрок погиб, сражённый вражеским ядром в 1813 г. при Маркесдорфе, Наполеон тяжело переживал эту потерю.

⁷Шампаньи Жан-Батист Номпер де, герцог Кадорский (1756–1834), французский военный и политический деятель. Министр иностранных дел с 9.08.1807 по 16.04.1811.

⁸Ланн Жан (1769–1809), маршал Империи, герцог Монтебелло. Начал службу добровольцем в рядах революционной армии в 1792 г. Храбрость и военные таланты Ланна способствовали его стремительному восхождению по ступеням военной иерархии. Особенно Ланн был отмечен генералом Бонапартом в ходе Итальянской кампании 1796–1797 гг. Ланн отличился и в Египте. В 1804 г. он становится маршалом Империи. Сыграл важнейшую роль в победах при Аустерлице, Иене и Фридланде. Кроме своих блестящих военных успехов Ланн был другом Наполеона. После взятия Сарагосы в Испании Ланн прибыл на Германский театр военных действий. В битве под Эсслингом он был смертельно ранен и умер 29 мая 1809 г., оплакиваемый императором и всей армией.

⁹Лагранж Жозеф (1763–1836), французский генерал и политический деятель. В 1809 г. генерал Лагранж командовал баденским контингентом в составе армии Наполеона.

¹⁰Вальтер Фредерик Анри (1761–1813), сын протестантского пастора, Вальтер начал службу рядовым гусаром в 1781 г., и за 7 лет службы при Старом порядке он смог дослужиться только до вахмистра. С началом революции он становится офицером и уже в 1793 г. получает звание генерала. Участник Итальянской кампании Вальтер знакомится с Бонапартом. В 1803 г. Вальтер получает звание дивизионного генерала. В начале кампании 1809 г. он командует блистательным полком Гвардейских конных гренадеров, а затем получает под командование всю тяжёлую гвардейскую кавалерию в битве под Ваграмом. Вальтер принял участие в походе 1812 г., а затем в кампании 1813 г. Вальтер скончался 24 ноября 1813 г. от ран, полученных в бою при Ганеу.

¹¹Дорсенн Жан-Мари-Пьер (1773–1812) вступил в армию волонтёром в 1791 г. В эпоху Империи командовал гренADERами гвардии, во главе которых отличился под Эйлау и Эсслингом. В июне 1809 г. стал дивизионным генералом. Скончался в июле 1812 г. от раны, полученной под Эсслингом в 1809 г.

¹²Остров Лобау на Дунае находился в то время на расстоянии примерно 800 метров от южного «французского» берега и был отделён от северного «австрийского» берега, только протокой около 80–100 метров шириной. Это позволяло иметь удобный плацдарм для подготовки будущей переправы.

¹³Сент-Илер Луи-Шарль-Винцент Ле Блон де (1766–1809), генерал эпохи Наполеона. В 1809 г. командовал дивизией в корпусе Ланна. Умер 3 июня 1809 г. от ран, полученных в сражении при Эсслинге.

¹⁴Перечислены фамилии известных офицеров, выходцев из знатных французских и польских семей. Монтестье, Мортемар, Хлаповский, Тюренн, Фезенсак были офицерами ординарцами Наполеона. Канувиль, Перигор, Флао (см. прим. к мемуарам П. Тучкова) адъютантами Бертье.

¹⁵Валевская (урождённая Лончиньская) Мария (1786–1817), польская возлюбленная Наполеона. От связи с ней в мае 1810 г. родился сын Александр, который впоследствии станет видным государственным деятелем эпохи Наполеона III. Ребёнок был зачат как раз во время пребывания Марии в Вене в 1809 г. Рождение сына окажет большое влияние на Наполеона, так как его бесплодная жена Жозефина обвиняла в отсутствии наследника самого императора. В результате Наполеон развёлся с ней и женился на австрийской эрцгерцогине, что оказало влияние на всю европейскую политику.

¹⁶Точное наблюдение Левенштерна, касающееся духа французской армии эпохи Наполеона.

¹⁷Автор перефразирует знаменитую фразу, которую приписывали Людовику XIV – «Нет более Пиренеев!», которую он якобы произнёс 16 ноября 1700 г., узнав о том, что его внук был назначен преемником умершего Испанского короля. На самом деле король не произносил этих слов, а нечто подобное сказал посол Испании Каstell Дос Риос.

¹⁸Бернадот Жан Батист Жюль (1763–1844), маршал наполеоновской империи, впоследствии король Швеции и Норвегии, основатель династии Бернадотов. Талантливый генерал эпохи революции Бернадот завидовал возвышению Бонапарта. В 1802 г. он был участником заговора с целью свержения власти Первого консула. Став маршалом Империи в 1804 г., Бернадот не раз ставил под удар своих товарищей по оружию, не желая способствовать успеху Наполеона. Так 14 октября 1806 г. он со своими войсками не пришёл на помощь корпусу Даву, который всего в нескольких километрах от Бернадота принял неравный бой с двукратно превосходящей его прусской армией. Однако Наполеон прощал все выходки Бернадота, так как испытывал комплекс вины по отношению к семье маршала. Дело в том, что Бернадот был женат на бывшей невесте Наполеона, которую тот бросил ради Жозефины Богарне. Однако в кампанию 1809 г. Наполеон потерял терпение и отослал маршала из армии, хотя на этот раз его провинность была далеко не очевидна. Когда в 1810 г. шведский Рикстаг (парламент) принял решение об избрании Бернадота наследным принцем Швеции, маршал с готовностью принял это предложение. Став главой Шведского государства, Бернадот руководствовался в своей внешней политике не столько интересами своей новой родины, сколько желанием навредить Наполеону. В 1813–1814 г. шведские войска участвовали в антифранцузской коалиции, а Бернадот способствовал всеми силами свержению империи во Франции.